

Джаз хороший, Лист плохой

Фестиваль Гершвина в Санкт-Петербурге

Русский Телеграф, — 1998, — 17 февр., — 518

В Санкт-Петербурге завершился фестиваль «Мир Гершвина», посвященный 100-летию со дня рождения главного американского композитора. По сравнению с идущим следом за ним московским фестивалем «Магия Гершвина» (он открылся вчера в зале им. Чайковского) питерский, что можно было предположить уже по названию, был объемнее, но, похоже, и магии в нем окажется не меньше. Выводы, конечно, пока делать рано, но по крайней мере волшебной игры французского ансамбля *Musique Oblique* и пения американки Джо Энн Пиккенс, о которых «РТ» расскажет завтра, Москва не услышит. В остальном программы фестивалей похожи. Главные герои и питерского «Мира», и московской «Магии» — американские исполнители (дирижер Эммет Стилл, пианист Орин Гроссман и вокалисты Вивиан Мартин и Джон Свифт). Только вместо Академического симфонического оркестра Санкт-Петербургской филармонии в Москве играет оркестр «Молодая Россия».

Америка, 1910-е годы. В недавно открытом Карнеги-холле сидят ухаживаемые белые и потребляют высокое искусство. Рахманинов выступает, Малер, Никиш. В это время вокруг нарождается стиль черных музыкантов: всеобщие-стазу, обиход Гарлема. Возвышенное — и буквально земляное. Мальчик-иммигрант! Хоть и вырос ты более-менее среди хижин, если хочешь покорить высокие дворцы искусства — играй (например, на рояле) по их правилам. Что трудным детством запечатлено в ушах, непосредственно из них не выковыривай, не то в приличное общество не возьмут. Потому как есть культура и культура.

Мальчик-иммигрант, однако, взял и ничтоже сумняшеся навел мост над пропастью между филармонической публикой и обитателями харчевни. Между тем пропасть где была, там и осталась. Перенос музыкального материала, рожден-

ного джазовой (то есть устной) традицией, в писанные ноты, всегда дает академическую дистанцию. Особенно если сидит человек десять перед одной оркестровой партией. Какая уж тут спонтанность. Когда слушаешь Гершвина в оркестре, не покидает ощущение компромисса. Право, биг-бэнд был бы умнеей в каждом из сочинений, звучавших на открытии фестиваля в Большом зале филармонии. «Кубинская рапсодия», Увертюра к мюзиклу «Безумная» и «Американец в Париже» суть прогулочная музыка высшей, непревзойденной пробы. Ее исполнение нужно оценивать по тому, насколько оно близко к перегретым, вовсе не европейским прообразам. Специалист по этим последним и был выписан из Штатов. Не сразу удалось дирижеру Эммету Стилли разбудить сонный АСО. Все было поначалу наперекосяк. Ударники, главные в «Кубинской рапсодии», ходили то в лес, то по

дрова, так и не став ритмической опорой. Остальным не хватало отвязности, которая только и дает аромат традиции: пароход на Миссисипи, маленький оркестрик свингует из свежесобретенного радио. Американец в Париже, видно, задремал — вместе с доброй половиной зала. Я не знаю, как дирижеру преодолеть авторскую беззаботность: клепают одну тему за другой, а целое не складывается. Наверное, только вообразить, что с концертом уже покончил и играешь сюиту бисов.

Опера «Порги и Бесс», напротив, самый академичный опус Гершвина. Только петля фрагменты из нее было практически некому. На родине сопрано Вивиан Мартин и баритон Джон Свифт явно поют в гораздо меньших залах. Акомпанемент Стилла и АСО был идеально тих и чуток, но все равно без достаточного крупного или хотя бы пронзительного голоса в Большом зале делать нечего. Поэтому расслышать аутентичность черных певцов в их родной музыке так и не удалось. Хотя выглядели и двигались они действительно очень красиво.

12 февраля в Малом зале Вивиан Мартин попыталась реабилитироваться песнями Гершвина и спиричуэлс. Не будем говорить о голосе или качестве вокала. Указанный репертуар поют душою, желательно под рояль. Михаил Аптекман был подчеркнуто скромно, всем видом показывая: не он здесь главный. В сурово-скупой фортепианной партии духовных песен ему было «нечего играть» — недоставало глубины тона. Зато во втором отделении он, как паук, плел импровизации (вроде бы свои) поверх незатейливых гершвиновских нот. На этих нитях раскачивалась певица, дрейфуя по сцене и позволяя себе любые ритмические причуды. Аптекман ловил ее и будто утягивал обратно в темп — и обратно к роялю.

И все для Мартин было бы здорово, если бы не три с половиной аранжировки спиричуэлс в исполнении вокальной группы «Римейк». Ребята начисто перепели заморскую звезду. Группа вначале дурочилась по студенческим капустникам, да и теперь не обласкана вниманием антрепренеров. Между тем у нее очень большое будущее. Ясно как день, что молодые дирижеры-хоровики не должны ограничиваться только джазом. Им не будет конкуренции в исполнении полифонии Ренессанса, равно как и авангардных опусов. Пение чрезвычайной чистоты и интеллекта, да к тому же без микрофона, привычного джазовым вокалистам в таком просторном помещении...

На филармонических площадках, видимо, происходит то же самое, что заставило Прокофьева в 20-е годы определить творчество Гершвина так: «это хороший джаз, но плохой Лист». То есть: любой джазмен (или джазвумен) найдет себя в Гершвине вернее и убедительнее, чем его полуколлега-классик.

ЕРОФЕЙ ЕРОПКИН

Сама Вивиан Мартин была эффектной, чем ее вокал

БОРИС ФИЛАНОВСКИЙ